Несмотря на начало дня, в Библиотеке Кинугасы было темно.

Лампы дневного света на потолке горели, но он был высоко, и множество книжных полок отбрасывали тени.

В полутемной библиотеке находились три человека.

Один из них — Зигфрид — говорил по телефону за стойкой.

Другим был Ооширо Итару, который сидел на стуле в центре ярусного пола. Его металлическая трость стояла прислоненной к столу.

Последней была Sf, изучавшая книжную полку позади.

Ооширо бросил взгляд на высокую спину за стойкой.

Зигфрид разговаривал по телефону уже некоторое время, и не похоже, что он скоро закончит.

Итару немного опустился в кресле и заложил ногу на ногу. Он потряс гостевой тапок на конце своего носка.

— Итару-сама.

Мужчина повернулся к голосу, и обнаружил невозмутимо стоящую Sf с каким-то предметом в руках.

— О, ты обнаружила одну из клякс на записях моей жизни.

— Тестамент. Это Ваш выпускной альбом. Но, несмотря на то, что его называют «альбом», это простая печатная книга.

— Вот так неожиданность. Лекция по английским словам от немецкой автоматической куклы. Мне казалось, это язык твоего врага.

— Нет, мой истинный враг — это Советский Союз. У британских и американских тонкая броня, поэтому они не угроза.

— О чем ты вообще говоришь?..

— Тэс. Я говорю о куклах. Что за взгляд в Ваших глазах?.. Это общеизвестное знание в

индустрии. Разве есть какие-то проблемы?

— Согласно моему «общеизвестному знанию», Советский Союз перестал существовать, до того как тебя вообще создали. Или мне просто показалось.

— Тэс. Вы абсолютно правы. Однако Советский Союз живет в Вашем сердце, Итару-сама.

— О? Еще одна неожиданность. Кукла говорит о человеческом сердце. И это означает, что мое сердце является твоим врагом?

— Нет, но мною было определено, что оно советского производства. Его броня крепка, а атаки гарантированно смертельны, но у него маловато индивидуальности. Также необходимо отметить, что броня наклонена диагонально. У серийных моделей, правда, всё иначе.

— Тебе стоит добавить, что оно весьма холодное.

— У меня нет сердца, поэтому я не могу определить этого самостоятельно.

Sf невозмутимо поклонилась. Она протянула запыленный синий альбом.

Итару молча взял бархатную книгу в руки.

Он ее открыл, пролистал страницы и вздохнул, глядя на фотографии класса. Sf позади него подала голос:

— Мне видно множество выражений лиц, которые демонстрируют отсутствие мыслей в их головах.

— Не воруй мои реплики.

— Это моя обязанность — освобождать Вас от любых ненужных усилий.

— Как насчет усилия выбросить тебя прочь, когда ты сломаешься?

— Не волнуйтесь. Мне установлено прекратить функционирование в то же время, как вы будете уничтожены. Не потребуется ника…

Итару закрыл глаза и оборвал Sf:

— Не говори так. Я уже столько раз это слышал, — сказал он безо всякого выражения.

— Тэстамент, — ответила Sf.

Sf замолчала, и Итару продолжил листать альбом. Он дошел до выпускных пожеланий.

— Вот и оно. Прочти эту нелепую запись.

— Тэс. Мне следует прочесть ее вслух?

— Да.

— Тэс. Вы не просили меня прочесть что-либо уже долгое время. Ничего с тех пор, как прошло пять дней после моего прибытия в Японию. Я проверила свою память до 5-го уровня глубины, поэтому в этом не должно быть ошибок.

— Да, я припоминаю. Забавы ради, я передал тебе порно мангу, которую я конфисковал у работника, но ты неожиданно начала читать ее во весь голос. Твои этические стандарты ориентируются на зарубежный уровень?

— Вы никогда не говорили мне ее выбросить, а читать записи для хозяина — важная работа для горничной или дворецкого. Однако недостаток эмоций делает меня неподходящей кандидатурой для чтения текста с таким количеством выкриков и обилием звуковых эффектов.

Итару промолчал. Он повернулся к Sf с полузакрытыми глазами и протянул ей альбом.

Она взяла его и прочла:

— Название: Стимул.

— Нет, вон то, что под этим.

— Тэс. Название: Без названия.

"Как мы и думали уже давно, долгожданное время наконец-то настало.

Время пришло, и нам не остается ничего, кроме как ждать.

Нас обучали лишь тому, как снова и снова накапливать время.

И за мечтаниями нас будет ждать вовсе не новое время.

Мы научились здесь лишь тому, как можно умело воспользоваться временем.

И пониманию, что небытие — это не более чем время спасения."

Едва Sf закончила читать. Итару приложил правую руку к лицу.

— Намного приятнее, когда это читает кто-то работающий на меня. Люблю это чувство, когда мои волосы становятся дыбом.

— Я пришла к заключению, что это было написано вами, Итару-сама.

— Так и есть. Заметно?

— Тэс. Я могу увидеть умышленные усилия сделать каждую строчку длинною в 10 слов. И мне видится в смысле этого текста одно лишь раздражение.

— Ха. Ты действительно превосходная машина. Я говорю серьёзно, так что возрадуйся, и вырази это в своих действиях.

— Тэс, — Sf невозмутимо подняла руки над головой и их опустила. — Это удовлетворяет Ваше требование? Если Вы желаете более энергичного выражения радости, я могу проделать это три раза подряд.

— Немцы умеют создавать лишь высокопроизводительные машины.

— Тэстамент. Их служба поддержки также превосходна. Не стесняйтесь использовать меня, как Вам будет угодно.

Вместо согласия Итару указал подбородком в глубину библиотеки. Sf повернулась в ту сторону с альбомом в руках.

— …

Светло-голубой тапок на конце согнутой ноги Итару едва не свалился, поэтому сперва горничная его поправила.

Затем Sf невозмутимо отошла прочь.

Едва она это сделала, от стойки позади нее прозвучал тихий звук. То был стук положенной трубки телефона.

Итару развернулся и обнаружил Зигфрида, смотревшего на него.

Итару приподнял свои очки и спросил:

— Мужчинам не следует так долго болтать по телефону.

— Я не разговаривал со старым товарищем целых десять лет. Теперь, Ооширо Итару, что тебе нужно?

— Как надзиратель Отряда Левиафана, я пришел проверить кое-что, имеющее отношение к транспортировке священного меча Грама. В конце концов, мистер Зонбург, Вы больше всех причастны к разрушению 1-го Гира.

●

На базе Городской фракции 1-го Гира, расположенной в подземелье спортзала, спал белый механический дракон Фафнир Возрожденный.

Во тьме повеял ветер.

Он обладал цветом. Чёрным цветом. Черный ветер пронесся взад и вперед над телом Фафнира Возрожденного, словно в танце, и затем взлетел к потолку. Там висел одинокий маленький колокольчик, с вырезанным на нем письмом.

Ветер столкнулся с колокольчиком, и тот зазвонил.

Он издал пронзительный звук, и ветер неожиданно соткался в тело.

Это был черный кот. Точнее, кот, принадлежащий Брюнхильд.

— Вот и я.

Черный кот кувыркнулся в воздухе и приземлился на спину Фафнира Возрожденного. Вместо того чтобы воспользоваться когтями, он пробежался по наклонной броне подушечками лапок. Зверек медленно улегся.

— Преподобный Хаген, — произнес кот.

— Я здесь, — перед черным котом возник бледно сияющий старик. Он зевнул и промолвил. — Ты со своим ежедневным докладом?

— Именно так. У меня нет новостей, как вчера, поэтому я показался просто так.

— У нас тоже ничего нового. Пока звук колокола не угас, ты можешь поискать что-нибудь поесть снаружи. Найн не заметит.

Хаген снова зевнул и кот глянул на профиль старика.

— Вам тоже снятся сны, Преподобный Хаген?

— А? — Хаген глянул на черного кота и затем улыбнулся. — Да, снятся. Мне как раз снилось то, как заплаканная Брюнхильд попросила о помощи.

— Это случилось в тот день, когда вы соединились с Фафниром Возрожденным? …Почему вы решили так поступить, ведь вы член королевской семьи?

— Только я занимал достаточно высокое положение в обществе, чтобы руководить всеми. И когда мы переместились в этот мир, было необходимо высвободить концепты для создания Концептуального Пространства, где люди 1-го Гира смогли бы жить. Это означало, что кто-то должен был слиться с Фафниром Возрожденным. — Он подпер подбородок кулаком и выдал бессмысленный вздох. — Я совершил нечто непростительное по отношению к Брюнхильд… нет, к Найн. Как складываются ее дела с Зигфридом?

Черный кот хранил молчание. Он отвернулся от Хагена и три раза вздохнул перед тем, как ответить.

— О-она за ним наблюдает. …И она сохраняет дистанцию, чтобы… да, чтобы убедиться, что ее не обнаружат.

— Понимаю, — кивнул Хаген.

На его лице стояла улыбка, но кончики его бровей слегка опустились.

— Понимаю, — пробормотал он снова, — Эй.

— Ч-что такое? — спросил черный кот.

Хаген кивнул, глянул вперед, и затем опустил глаза.

— Наше положение, увы, обязывает нас поступать определенным образом. Но…

— Но?

— По крайней мере, я хочу, чтобы ты оставался ее союзником.

Черный кот слушал слова Хагена, и понимающе кивнул в тусклом полумраке.

В следующий миг в дверь постучали, и вошла женщина в простом белом одеянии.

Она спешила. Быстро войдя, женщина взволнованно заговорила.

— Расследование… расследование завершено. Все так, как Вы и сказали, Лорд Хаген, — женщина перевела дух и продолжила говорить, когда дыхание выровнялось. — В штаб-квартире ИАИ готовится к взлету транспортный самолет. Скорее всего, во время транспортировки этой ночью священный меч Грам пролетит у нас над головой!

●

В Библиотеке Кинугасы эхом разносились слова Зигфрида.

— Значит, Грам будет переправлен этой ночью. Путь Левиафана 1-го Гира, наконец, начнется всерьёз.

Зигфрид стоял за стойкой, тогда как Итару продолжал сидеть.

— Мой отец, должно быть, впал в маразм, собираясь оставить это все в руках какого-то юнца. Предварительные переговоры вроде как закончились хорошо, но судя по тому, что я слышал, те переговоры были липовыми.

— Ты определенно суров.

— Я мягок к самому себе. И этим я отделываюсь от умников. Они от меня удирают.

— Значит, ты надеешься, что Саяма Микото и остальные откажутся от Пути Левиафана?

— Только дети решают что-либо, основываясь на надеждах, — Итару поправил темные очки на носу. — Но как только Грам поместят в штаб-квартиру UCAT, начнутся настоящие переговоры с 1-м Гиром.

— И это послужит истинным началом Пути Левиафана?

— Да. Если он все еще будет принимать участие, то не сможет отступить. Прибытие Грама — крайний срок для Саямы Микото. К этому времени он должен все для себя решить.

Итару потянулся к своей стопе и вернул тапок, поправленный Sf, в полуснятое состояние.

Он повертел светло-голубой тапок кончиком пальца ноги, и спросил:

— С кем Вы говорили по телефону?

— Я же сказал, это был старый товарищ, разве нет? Он был в восторге от того, что Саяма Микото взялся за дело. Он сказал, что Саяма Микото, скорее всего, узнает множество вещей, не понимая направления, в котором движется, прямо как мы много лет назад.

— И хотя бы одна из сотен вещей, что он совершит, будет успешной?

— Да. Человек достигает истины лишь после множества ошибок и сомнений, — на губах Зигфрида появилась легкая улыбка. — Я припоминаю, когда мы впервые узнали о Концептуальной Войне еще в дни Департамента Национальной Обороны. Да, как раз когда они обнаружили, что я лишь делал вид, что сотрудничал с Департаментом Национальной Обороны, и что я прибыл для ликвидации объектов модификации лей-линий немецкого региона, — его улыбка приобрела горечь. — Я пытался разрушить объект, но его разрушили до меня. Мои товарищи думали, что это моя работа, поэтому начали меня преследовать, и началось сражение. И вот тогда это случилось.

— Я об этом слышал. Небо вдруг раскололось, и вниз рухнули механический дракон и Бог Войны.

— То была битва между 1-м Гиром и 3-м Гиром. С того момента мы узнали, что работа Департамента Национальной Обороны выходит за рамки нашего мира, — сказал Зигфрид. — Столько всего было обнаружено и столько всего утрачено. И далеко не все нами. Если Саяма Микото примет Путь Левиафана и ринется вперед, увидит ли он это всё?

— Кто знает? Он может сбежать или умереть до того, как это случится. Ты помнишь, что его дед постоянно твердил?

— Фамилия "Саяма" предписывает роль злодея?

Итару кивнул и ухмыльнулся.

— Сможет ли Саяма Микото гордиться злом, которое свершит? Я говорю не о перепалке с небольшой радикальной группировкой или о предварительных переговорах с тем, кто ему поддается. Встретившись с настоящим противником, сможет ли он разрешить всё, используя зло во благо?.. И главное, решится ли он шагнуть на поле боя? На все эти вопросы я не знаю ответа.

Пока Ооширо говорил, Зигфрид закрыл глаза.

— Ооширо Итару, ты очень привередлив к фамилии Саяма. От Дианы я узнал причину.

— Тогда ты должен понимать, почему я ненавижу этого юнца. Я даже видеть его не хочу. Фамилия "Саяма", которую я знаю, совсем на него не похожа. Она не принадлежит какому-то невежественному пацану, которого все защищают.

— Итару-сама.

Тело Итару расслабилось, когда Sf позвала его сзади.

Он обернулся, как раз когда Sf нагнулась.

Sf вновь молча поправила его тапок.

Итару встал, но его правая нога задрожала и едва не подкосилась.

Sf подхватила его сбоку и молча поддержала.

— Возьмите, — произнесла она, схватив его металлическую трость.

Итару на нее оперся.

Он выпрямил спину и кивнул в сторону Зигфрида.

— Но… если Путь Левиафана продолжится, мои товарищи примут участие?

— Да, Диана, выжившие из Департамента Национальной Обороны и выжившие из оригинального UCAT вмешаются. Мистер Зонбург, Ваш друг всё еще жив.

— Мне сообщили то же самое по телефону. Ты подразумеваешь Сандерсона, не так ли? — Зигфрид нахмурился. — Какая жалость, что этот янки всё еще жив. Он, вроде как, в течение года должен прибыть сюда со своей правнучкой.

Заявление Зигфрида усилило ухмылку на лице Итару.

Чтобы скрыть свои глаза, он поправил темные очки и поклонился, стоя на краю долины, созданной книжными полками Библиотеки Кинугасы.

— Воспринимайте это, как неудачное воссоединение класса, Мистер Зонбург.

Увидев его действия и услышав его слова, Sf с опозданием поклонилась. Итару медленно выдал последнее заявление:

— Это еще один способ смотреть на наш Путь Левиафана.

●

Саяма и Синдзё потягивали напитки на Станции Окутама на закате.

Деревянное строение станции стояло на бетонном основании. Парень и девушка сидели на деревянной скамейке у стены рядом со входом.

Чтобы сюда добраться, им нужно было сесть на автобус UCAT до входа в ИАИ, и затем на еще один оттуда. Поезд Саямы прибывал через 20 минут, поэтому у них оставалось достаточно времени для беседы.

Ещё стоял день, но из-за весенних каникул зал ожидания практически опустел. Синдзё прислушивалась к звукам машин и автобусов вдалеке, глядя на напиток в ее руках.

Девушка никогда раньше не пробовала лимонную газировку. Она подумала, что вкус был менее выразительным, чем у газировки в UCAT.

Она вздохнула и глянула на Саяму, сидящего рядом с ней. Он давал минералку Баку, сидевшему на его плече, хотя только что закончил набирать номер на мобильном, полученном от UCAT.

…Он из тех людей, кто не может сидеть без дела?

Собственный вопрос Синдзё вызвал на ее губах горькую улыбку. Она подыскивала, что бы сказать.

— Э-э, что ты думаешь о том, что нам недавно рассказали? О том, что священный меч Грам сегодня неожиданно перевозят.

Саяма отвернулся от Баку.

— Ну, — он кивнул и посадил зверька на бутылку рядом с ним. — Неожиданные новости. Сообщение пришло, едва мы покинули UCAT, но я полагаю, всё начинается, когда начинается.

— Что ты будешь делать, Саяма-кун? Ты примешь участие в Пути Левиафана?

— Ты примешь, не так ли? Ты хочешь отыскать этого Синдзё из Департамента Национальной Обороны, которого упомянул Фасольт.

— Да. Но я говорю о тебе, Саяма-кун, а не о себе.

— Вот как, — негромко начал Саяма. — В данный момент, думаю, я склоняюсь к тому, чтобы отказаться.

— Правда?

Она наклонила голову, и Саяма кивнул.

— Да, правда. В итоге я так и не нашел для себя ответ. И теперь, время пришло. Это будто пойти на экзамен, толком не подготовившись. Проблема в том, что я предпочел бы отступить, вместо того, чтобы получить на этом экзамене плохие оценки.

— Когда ты говоришь, что не нашел для себя ответа, ты подразумеваешь связь с фамилией "Саяма", предписывающей роль злодея?

Услышав это, Саяма слегка удивился. Но он тут же взял себя в руки и медленно кивнул.

— Не так уж и просто поставить себя целью всеобщей ненависти. И… что группа того рыцаря вчера, что Фасольт сегодня действовали, подготовившись заранее. Оба раза я достиг неплохих результатов, но не дотягивал до них там, где это действительно важно, — он вздохнул. — Возьми, например, Фасольта. Он желает продолжения мира. Подобное требует компромисса и действий, которые могут расценить как предательство. Но он готов пойти на это, несмотря ни на что. Почему так?

— Потому что это правильный подход. Ты же не думаешь, что радикальные фракции действительно чего-то добьются сражением?

— Добьются, — сказал Саяма. — Если они победят, и их противник перестанет существовать, они получат мир во всем мире для самих себя. И даже если они потерпят поражение, до тех пор, пока они демонстрируют свою силу, они смогут принудить их боязливого врага к компромиссу.

— Но решать всё посредством силы…

— Сила — недоразвитая форма речи, Синдзё-кун. Если вы согласны — вы пожимаете руки, а если нет — вы бьете их кулаком. Даже без слов это донесет твой смысл. И поныне на земле живут племена, что полагаются на силу в своих привычных обычаях. Позволь лучше спросить: почему всё должно решаться на словах? Слова — аспект цивилизации, которым человечество изначально не обладало. Они являются заменой силы. Почему же обязательно решать все

через них?

— П-потому что они не нанесут вред тебе или твоему оппоненту, — ответила Синдзё, подсознательно сжав кулаки.

Из банки в ее руках выплеснулась зеленая пена.

— Ой, — произнесла Синдзё, лихорадочно доставая платок из кармана.

Пока Синдзё вытирала руки, она задумалась, как ее беспокоит непонимание Саямой совсем простых вещей.

…Это важно. Должно быть важно.

Девушка внутренне кивнула, и задумалась, что же ей следует ему сказать. Ее брови налились силой, и она сложила свой платок.

— Э-эм, Саяма-кун…

Синдзе остановилась, не договорив.

Она увидела, как Саяма смотрит на нее с бессильной улыбкой на лице.

Простая улыбка и ничего более. Но…

…Почему он так на меня смотрит, когда я злюсь?

Вскоре раздался его ответ.

Он кивнул и сказал:

— Это твой ответ, Синдзё-кун. У тебя есть право сдать экзамен. Ты лучше подходишь, чем я.

Его последнее предложение вызвало холодок на спине Синдзё.

— Н-нет. Я…я…

— Ты хочешь сказать, что не смогла бы говорить с Фасольтом и его абсурдными аргументами сегодня, с той группировкой вчера, или с тем оборотнем позавчера? Ты хочешь сказать, что и

сражаться с ними не сможешь?

Синдзё кивнула.

— Почему они не хотят просто договориться? — спросил Саяма.

— П-потому что… э-э…у них есть обиды, которые невозможно решить словами?

— Да. И поэтому они отказываются сесть за стол переговоров и всё уладить. Иными словами, те, кто желают мира могут говорить лишь с теми, кто желает мирного исхода. Однако…

— Однако?

— Даже те, кто не желает мира, несут потери в войне. На самом деле… как раз они не могут простить свои потери, и потому, возможно, ненавидят войну больше других.

— …

— В таком случае, что вообще значит — расплатиться за наши преступления? Достаточно ли расплатиться лишь перед теми, кто уже предполагает мирное урегулирование конфликта? Не будет ли лучше даже не приближаться к тем, кто желает нашей смерти?

— Н-но, если мы выступим против них, они могут нас убить, Саяма-кун.

— Вот почему Путь Левиафана дает нам силу, — произнес Саяма. — Мне кажется, я понимаю причины, лежащие за начальными условиями, наложенными на Путь Левиафана моим дедом. Я думаю, что понимаю, почему он не дал нам никакой информации, и разрешил нам сражаться.

●

Саяма сложил руки на груди и прислонился спиной к деревянной лавке. Он ощущал холод грубых деревянных досок, расположенных на разной высоте.

— Кое-кто в десяти Гирах рассчитывает на нашу смерть или поражение. Почему они желают нашей смерти? Мы не получили никакой информации о прошлом, чтобы могли действительно это понять и воспользоваться их причиной.

— Ты хочешь сказать, что знание, данное нам без его поиска, не имеет цены?

— Именно. Знание лишь тогда становится мудростью, когда у тебя есть желание познавать.

Если ты получишь заготовленное знание и попытаешься использовать его как щит, прочие расы не ощутят в нас искренности.

Саяма подобрал Баку. Зверек засунул свою голову в прозрачную бутылку с водой, а теперь он замахал лапками, повиснув в воздухе. Едва его взгляд встретился с Саямой, он успокоился.

Парень опустил Баку и наклонил бутылку на бок. Баку засунул голову в горлышко и начал пить воду.

Синдзё горько улыбалась, наблюдая за поведением зверька. Саяма выдал похожую улыбку.

— В нашем расследовании мы используем Баку, дабы увидеть прошлое без прославления или искажения. Исходя из этого, мы должны решать все сами. И…

— Мы должны вести переговоры, используя силу, слова, и любые доступные нам средства?

— Да. И поэтому мой дед оставил Путь Левиафана мне. Фамилия "Саяма" предписывает роль злодея, поэтому он хотел, чтобы я взял это знание и мудрость, и принимал необходимые решения.

Саяма закрыл глаза.

Он не смотрел на Синдзё и всё, что было вокруг него.

— Но, — начал он. — Сам факт наличия у меня этого знания и мудрости не означает, что мое зло необходимо. В конце концов, мой дед далеко не всегда использовал этот метод.

Саяма почувствовал, как Синдзё рядом с ним напряглась. В конце концов, она заговорила:

— Тебе, наверное, стоит все переосмыслить. Может, это и будет для тебя хорошей ролью, Саяма-кун. Но это неправильно. Неправильно сводить всё к тому, чтобы ставить кого-то злодеем. Даже если это для тебя важно, мне кажется, что так нельзя.

— Но я заинтересован в Пути Левиафана. …Если возможно, я бы хотел принять участие.

— Но… сможешь ли ты доверять себе, когда возьмешься всерьёз?

Саяма вздохнул.

Он открыл глаза. Синдзё уставилась на него исподлобья.

Ее хорошо иметь поблизости, — подумал он.

Он смотрел ей в глаза, и за этим последовало несколько секунд тишины.

Наконец, Синдзё опустила взгляд и сказала, словно желая что-то уточнить.

— Саяма-кун, ты действительно хочешь принять участие в Пути Левиафана?

Саяма задумался над ее вопросом. Он обдумал всё предыдущее, и обнаружил лишь один ответ.

— Да.

— Ясно. Тогда… подумай о способе, который позволит тебе во всём разобраться. Подумай о способе, при котором ты мог бы действовать всерьёз, сохраняя уверенность. — Синдзё слегка себя обняла, все еще глядя вниз. — Если бы только существовал какой-нибудь стандарт, который ты мог бы использовать, когда теряешься по поводу того, будут ли твои действия необходимым злом или нет… Хотя я не знаю, как бы ты мог это определить.

— Стандарт для необходимого зла?.. Иными словами, потребность в злодее, — пробормотал Саяма.

Он глянул вниз на свои стопы и задумался.

…Стандарт, чтобы знать наверняка, поступаю ли я неправильно, хм?

Когда парень на этим задумался, всё стало на свои места. Чтобы знать, ошибается он или нет…

…Мне всего лишь нужен кто-то рядом со мной, кто прав.

Саяма нуждался в ком-то, кто был бы его противоположностью. Когда он это осознал, его пульс участился.

— …

Ему нужен тот, кто мог бы стать для него стандартом. Тот, кто позволит удовлетворить должные критерии. И кто-то подобный уже находился рядом с ним.

Он мог легко узнать, ошибался ли он или нет, если взглянет на этого человека.

Но Саяма пытался выбросить этого человека из головы.

В конце концов, если он примет участие в Пути Левифана, это означает, что тот человек должен будет стоять вместе с ним. Этот человек будет стоять на одном конце всеобщей злобы и может погибнуть. Он хотел бы подобного избежать.

— …

Саяма безмолвно начал потеть. Его пульс участился еще сильнее.

Что это? — Подумал он. — Это совсем на меня не похоже.

Ему всего лишь нужно сказать этому человеку, что он в нем нуждается. Он должен попросить этого человека встать вместе с ним на поле боя и сесть вместе с ним за стол переговоров. Он должен попросить этого человека принять вражду и смерть вместе с ним.

Это было эгоистично.

Сосредотачивать ненависть на себе как злодею было проблемой его одного, но это затянет вниз вместе с ним еще одного человека.

Однако голос этого человека достиг его ушей. Мягкий и тихий голос.

Он сказал:

— Я надеюсь, ты сможешь найти для себя стандарт, Саяма-кун.

Саяма встал.

Шурша костюмом, парень взглянул на нее. Он глядел на свою противоположность, которая может выступить в качестве его стандарта.

Саяма глядел на девушку по имени Синдзё.

●

С банкой газировки в руках, Синдзё слегка попятилась.

Перед ее глазами Саяма поднялся после того, как просидел некоторое время с поникшей головой. Он смотрел на нее. Парень наморщил лоб, и, похоже, хотел что-то сказать. Вот почему Синдзё пришлось отступить.

— Ч-то такое?

Ее вопрос заставил Саяму подпрыгнуть, словно он неожиданно что-то понял.

Его лицо осунулось. Привычная маска быстро вернулась. Она не выражала почти ничего. Однако Синдзё подумала, что его слегка опущенное лицо сковало противоречием.

…Что-то случилось?

Синдзё удивленно наклонила голову.

— Что-то произошло? Это о Пути Левиафана или о твоем стандарте?

При этих словах Синдзё задумалась, что же ее беспокоило.

Девушка сказала, что Путь Левиафана опасен, но едва он отметил, что хочет принять участие, она дала ему заносчивый совет и попыталась снова ему помочь.

Я, должно быть, действительно хочу… — начала она тихо.

Синдзе хотела, чтобы он принял участие в Пути Левиафана.

Она не желала его смерти, или чтобы его ненавидели, но парень мог делать вещи, которые она не могла. Она этого хотела.

Девушка вспомнила, как они впервые встретились. Вспомнила, как позволила ему отдохнуть на своих коленях в лесу. Он признал, что она была права. Синдзе всегда думала, что ошибается, но он сказал, что она права.

И по пути назад той ночью, девушка извинилась за то, что навязывала ему свои мысли, но он улыбнулся и сказал, что она ничего такого не делала.

Ей было интересно, не странно ли чувствовать счастье, когда твои мысли отрицают.

…Для меня он прав и его приятно иметь рядом. — Синдзё кивнула в своем сердце.

…Интересно, могу ли я что-нибудь сделать, чтобы ему помочь.

После переговоров с Фасольтом, когда он расстроился, что не смог стать серьёзным, она не смогла ничего сказать.

Синдзе решила, ей следует сделать это сейчас. Девушка приоткрыла рот, чтобы заговорить. Сначала, ее губы зашевелились. Затем, она произвела голос.

— Могу ли я что-либо для тебя сделать?

Саяма повернулся к ней спиной. Он снова опустил голову, поднял взгляд и…

— …

Раздался громкий гул поезда, подъезжающего к станции. Колеса заставили рельсы заскрипеть, и Саяма обернулся.

Звуки поезда замедлились и в итоге остановились.

Когда Саяма повернулся к ней, его лицо пришло в норму. Но в то же время это не вызвало у Синдзё облегчения. Он всегда вел себя так, потому что хотел быть сильным.

Пока они слушали шаги людей, идущих от платформы к входу, Саяма на нее взглянул.

— Синдзё-кун, сущая мелочь.

Когда он заговорил, его голос вернулся к обычному тону.

Слова, что он собирался произнести с тем дрожащим выражением, не придут. Синдзё испытала пустоту разочарования в своей груди, но всё равно вопросительно наклонила голову. Если у него есть какие-то жалобы, девушка их выслушает.

— Да? Что там такое?

Удивленно взглянув, она увидела, как Саяма вытащил из кармана цифровой диктофон и приподнял его вверх.

Платформу заполняли шаги и прочие звуки людей.

Саяма их проигнорировал и заговорил с серьёзным выражением лица.

— Я забыл спросить тебя о продолжении того, что случилось ранее. Ты сказала, что подпрыгнула, когда подумала, что я собираюсь потрогать тебя за зад, но что произошло после? Прошу, расскажи мне во всех подробностях.

Когда ее взгляд метнулся с мыслями вроде «ах ты упрямый ублюдок», она увидела, как Саяма глядит на часы на левом запястье.

— У меня нет времени, но мне дико любопытно. Ну же. Тебе нечего бояться. Расскажи мне это неистово и интенсивно!

После чего Синдзё неистово и интенсивно влепила Саяме пощечину.

●

Занавески комнаты изобразительного искусства начали окрашиваться багряным.

Когда черный кот явился перед Брюнхильд на полу, она ошеломленно поднялась. Ее правая рука сжимала синий камушек, используемый для возвращения кота из формы ветра. Птенец сидел на ее плече, и она заговорила слегка дрожащим голосом:

— Священный меч Грам… что?

Черный кот тяжело дышал, раскинув лапы на полу.

— Похоже, штаб-квартира ИАИ переправляет Грам по воздуху в Токийский Отдел ИАИ. Он сказал… — кот перевел дух. — Они собираются его сбить.

— Выходит, битвы уже не избежать.

— Фафнер говорит, тебе следует немедленно вернуться. Он сказал, мы предоставим разбираться с Зигфридом тебе самой.

— Э?

Невозмутимая маска Брюнхильд на мгновение спала. Ее лицо исказила судорога.

Когда черный кот это увидел, он отвернулся.

— Если Грам вернут, его хозяин, Зигфрид, определено начнет действовать. Фафнер сказал, что это твоя забота. Брюнхильд, — позвал черный кот. — Все жаждут услышать крики негодования, заключенные в косе из Преисподней.

Брюнхильд покачала головой и замерла.

Птенец на ее плече чирикнул.

Услышав его, Брюнхильд не шевельнулась.

С ее лица исчезло всякое выражение. Его невозможно было даже назвать невозмутимым. Из него как будто высосали весь цвет.

— …

Брюнхильд молча опустила голову, и закрыла глаза.

Она прикусила нижнюю губу и наморщила лоб.

Из глубины ее горла вырвался тихий вздох.

Черный кот не отрывал от нее взгляда. Когда он понял, что она закрыла глаза, то полуприкрыл собственные, опустил голову и слабо кивнул.

— Ладно, — изрек кот, перед тем как поднять взгляд. — Брюнхильд?

Девушка открыла глаза. К тому времени, как их взгляды встретились, кот глядел на свою хозяйку так же, как и всегда.

— Брюнхильд, — произнес он снова. — Я сделаю все возможное, чтобы оставаться твоим союзником.

http://tl.rulate.ru/book/95927/3274212